

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ | AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Образ идеального мужчины у современных подростков: ценностно-нормативный аспект

С.В. Субботин¹✉, И.В. Шаповаленко²

¹ Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ leoskofelix@bk.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В условиях выраженного кризиса, связанного с существенными трансформациями гендерных ролей в современном обществе, растет актуальность проблемы мужественности. Попытки переосмыслить традиционные установки в отношении маскулинности порождают противоречивые представления о ней, что создает социально-психологические трудности для подростков обоего пола и влияет на процесс становления их гендерной идентичности. **Цель.** Проанализировать образ идеального мужчины в представлениях современных подростков. **Гипотезы.** Образ идеального мужчины у современных подростков характеризуется отходом от традиционных представлений о мужественности (маскулинности) и тяготением в сторону альтернативных вариантов мужской идентичности, связанных прежде всего с признанием гендерного равноправия. Представления подростков мужского и женского пола об идеальном мужчине различаются. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 85 старших подростков в возрасте 15–16 лет (учащихся 9–10 классов), из них 51 девушка и 34 юноши. Для проверки гипотезы был использован опросник «Изучение развития мужской идентичности (ИРМИ) “Я и другие мужчины”». **Результаты.** Было выявлено, что образ идеального мужчины у современных подростков соотносится как с традиционными (патриархатными), так и с альтернативными (эгалитарными) представлениями о мужественности. При этом юноши в большей степени склонны приписывать идеальному мужчине традиционные качества и свойства, а девушки — альтернативные. **Выводы.** Полученные результаты демонстрируют внутреннюю противоречивость образа идеального мужчины, что создает определенные зоны напряжения в процессе становления гендерной идентичности, прежде всего у юношей.

Субботин С.В., Шаповаленко И.В. (2025)
Образ идеального мужчины у современных
подростков: ценностно-нормативный аспект
Социальные науки и детство, 6(4), 41—56.

Subbotin S.V., Shapovalenko I.V. (2025)
The image of an ideal man among contemporary
teenagers: value-normative aspect
Social Sciences and Childhood, 6(4), 41—56.

Ключевые слова: гендерная идентичность, маскулинность, идеал, патриархатные представления, эгалитарные представления, старшие подростки

Для цитирования: Субботин, С.В., Шаповаленко, И.В. (2025). Образ идеального мужчины у современных подростков: ценностно-нормативный аспект. *Социальные науки и детство*, 6(4), 41—56. <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060403>

The image of an ideal man among contemporary teenagers: value-normative aspect

S.V. Subbotin¹✉, I.V. Shapovalenko²

¹ Independent Researcher, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ leoskofelix@bk.ru

Abstract

Context and relevance. In the context of a pronounced crisis associated with significant transformations of gender roles in modern society, the urgency of the problem of masculinity is growing. Attempts to rethink traditional attitudes towards masculinity give rise to contradictory ideas about it. That creates social and psychological difficulties for teenagers of both sexes and affects the development of their gender identities. **Objective.** To analyse the image of an ideal man as contemporary teenagers perceive it. **Hypothesis.** The image of an ideal man among contemporary teenagers is characterized by a departure from traditional ideas about masculinity and a gravitation towards alternative variants of male identity, primarily associated with the recognition of gender equality. Young men's and young women's ideas about masculinity differ. **Methods and materials.** The study involved 85 senior teenagers aged 15—16 (9th—10th grade students), including 51 girls and 34 boys. To test the hypothesis, the questionnaire 'Study of Male Identity Development (SMID) "Me and Other Men"' was used. **Results.** The research has shown that the image of an ideal man among modern teenagers correlates with both traditional and alternative ideas about masculinity. At the same time, young men mainly hold traditional views on masculinity, while young women are more inclined to attribute alternative qualities and characteristics to the ideal man. **Conclusions.** The results demonstrate a set of inherent contradictions in the image of an ideal man which brings significant pressure in the process of gender identity development, especially among young men.

Keywords: gender identity, masculinity, ideal, patriarchal views, egalitarian views, senior teenagers

For citation: Subbotin, S.V., Shapovalenko, I.V. (2025). The image of an ideal man among contemporary teenagers: value-normative aspect. *Social Sciences and Childhood*, 6(4), 41—56. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060403>

Введение

Новые социально-экономические условия, возникающие в результате перемен, происходящих в различных сферах современного общества (преобразование рынка труда, возрастание роли сферы услуг в экономике; метаморфозы в семейной и интимной жизни; эмансипация женщин; «информационный бум»; гуманизация образования), ведут к существенным трансформациям гендерных ролей.

Данные изменения неоднозначны. Основное противоречие состоит в том, что происходящие в гендерной структуре современного общества преобразования «ведут не столько к долгожданному гендерному равенству, сколько к полоролевому нигилизму, размытости гендерных границ, отказу от самого понятия “пола”» (Клименко, 2019). Эти тенденции, особенно ярко представленные в странах западного мира, свидетельствуют о выраженном гендерном кризисе в современном социуме. Его частным проявлением является кризис маскулинности.

О кризисе маскулинности впервые начали говорить в 70-е гг. прошлого столетия. Он может быть определен как «несоответствие практик мужчин нормативным образцам гегемонной маскулинности¹, в частности — утрата роли основного добытчика и как следствие соответствующих привилегий (патриархатных дивидендов)» (Здравомыслова, Темкина, 2015). Иными словами, основы, ранее воспринимавшиеся как устойчивые, оказались подорванными: традиционные представления о гендерном порядке в обществе утратили свою стабильность, что выразилось в том числе в попытках переосмыслить сложившиеся концепции мужественности в связи с их очевидным несоответствием изменившейся действительности.

Данные зарубежных исследований продемонстрировали неблагоприятные эффекты традиционных представлений о маскулинности для ее носителей (Haywood, Mac an Ghaill, 2003). Дж. Плек описал так называемый феномен «напряжения мужской гендерной роли», выражающийся в жестком контроле над собственными чувствами, в доказательстве своей «мужчинности» в глазах других мужчин и т. п. (Берн, 2001). Р. Айзлер ввел понятие «мужского гендерно-ролевого стресса», возникающего в ситуациях, когда необходимо проявить фемининные качества (эмпатию, заботу) или когда его мужественность подвергается сомнению (Берн, 2001). Сходные идеи лежат в основе концепции гендерно-ролевого конфликта Дж. О’Нила (Берн, 2001).

Также была выявлена прямая зависимость между высокой маскулинностью и повышенным уровнем тревожности, низкой уверенностью в себе, снижением творческих способностей и продуктивности деятельности (Кон, 1981). Яркие выраженные маскулинные черты могут ассоциироваться с нечестностью и низким уровнем компетентности (Chan et al., 2021), а также с жестокостью и насилием (Barry, Liddon, 2021). В исследовании социально-психологической адаптированности юношей-старшеклассников указывается на связь гегемонной маскулинности и эмоционального неблагополучия вкупе с тенденцией к эскапизму (Радина, Никитина, 2011).

В ответ на кризис маскулинности начали складываться новые варианты гендерной идентичности. В научном сообществе стали, например, обсуждаться проблемы женской маскулинности и мужской фемининности (Francis, 2010; Paechter, 2006). И.С. Клецина выделила так называемую «новую маскулинность», задающую новые модели отцовского

¹ Гегемонную маскулинность можно рассматривать как культурный эталон, идеальный образец, доминирующий в гендерной структуре данного общества, к достижению которого стремятся его члены.

поведения (Клецина, 2009). Альтернативой традиционным представлениям о мужественности можно считать и феномен «виртуальной» маскулинности. «Виртуальный мужчина» как собирательный образ, складывающийся в цифровой среде, представляет собой некий компромиссный вариант, пытающийся преодолеть ограничения традиционных представлений о мужественности и одновременно расширяющий и (или) расшатывающий их (Асатурова, 2016).

Интернет-среда породила образ маскулинности, завоевывающий популярность в молодежной субкультуре, — «сигма-самец» (sigma male). Его характерные черты — независимость, харизматичность, железная воля, самодостаточность (этакий «волк-одиночка»), креативность, готовность бросить вызов общепринятым нормам. Этот образ активно эксплуатируется массовой культурой, например, в изобилии поставляется современным кинематографом².

Более того, начал подвергаться модификации и собственно бинарный характер гендерной структуры («фемининность-маскулинность»), как, например, это происходит в контексте ряда исследований (Воронина, 2019; Градинари, 2015).

Проблема. Критическое значение для становления гендерной идентичности имеет период подростничества. В этом возрасте взрослеющий человек сталкивается с задачей осмысления собственной личности, в том числе ее гендерных характеристик. В старшем подростковом возрасте продолжается решение задач, связанных с освоением и усвоением гендерных и сексуальных норм и ролей. Процесс гендерной социализации в данном возрасте сопровождается активным поиском образцов для подражания в пределах своей гендерной группы и складыванием представлений об идеалах и эталонах, существующих в других группах.

В условиях «возрастающего непонимания того, что значит быть мужчиной» (Здравомыслова, Темкина, 2015), противоречивых представлений о мужественности возникают социально-психологические трудности и для мальчиков, и для девочек-подростков. Ситуация неопределенности подталкивает их к активному поиску объектов для подражания, в том числе идеальных образцов из другой гендерной группы. Личность, которая становится таким идеалом, имеет особую значимость в процессе гендерной социализации и самокатегоризации субъекта.

Актуальность исследования обусловлена тем, что представления подростков о мужском идеале вносят вклад в становление общей направленности личности, мировоззрения юношей и девушек, а также в развитие гендерной идентичности и поведенческих паттернов. Кроме того, они оказывают значимое влияние на психологическое благополучие молодежи, особенно подростков-мальчиков.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование образа идеального мужчины в представлениях российских подростков было проведено с использованием ряда методик³. В данной статье мы остановимся лишь на части данных и выводов, полученных нами с помощью опросника Н.К. Радиной,

² Гостюхина, О., Папкина, М. Сигма: объясняем значение слова простыми словами. *Комсомольская правда*. URL: <https://www.kp.ru/edu/molodezhnyj-slang/sigma/> (дата обращения: 30.10.2025).

³ Субботин, С.В. (2025). *Образ идеального мужчины у современных подростков: Магист. дис.* Моск. гос. психолого-пед. ун-т. М. URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=503413> (дата обращения: 30.10.2025).

А.А. Никитиной «Изучение развития мужской идентичности (ИРМИ) “Я и другие мужчины”» (Радина, Никитина, 2011).

Цель исследования: проанализировать образ идеального мужчины в представлениях современных подростков.

Задачи исследования:

1. Выявить представления подростков об идеальном мужчине.
2. Определить, в контексте каких типов маскулинности «задаются» образцы, на основе которых современные подростки конструируют представление об идеальном мужчине.

Гипотеза исследования: образ идеального мужчины у современных подростков характеризуется отходом от традиционных представлений о мужественности (маскулинности) и тяготением в сторону альтернативных вариантов мужской идентичности, связанных прежде всего с признанием гендерного равноправия, что находит выражение:

- в содержании набора ценностно-нормативных характеристик, приписываемых подростками идеальному мужчине;
- в типах маскулинности, в контексте которых конструируется образ идеального мужчины.

Гипотеза исследования (частная): представления подростков мужского и женского пола об идеальном мужчине различаются.

Методика исследования. При выборе методического инструментария за основу было взято ключевое положение конструктивистского подхода к сущности и природе гендера, согласно которому гендер — это «социальный конструкт, набор характеристик, определенных культурой общества, которые “направляют” социальное поведение мужчин и женщин, в итоге детерминируя отношения между ними» (Радина, Никитина, 2011).

Для проверки основной гипотезы использовался опросник ИРМИ, который изначально предназначен для выявления специфики собственной гендерной идентичности у представителя мужского пола. В рамках исследования инструкция к опроснику была модифицирована: респондентам предлагалось отвечать на вопросы, ориентируясь не на собственное «Я», а на образ идеального мужчины. Такая адаптация позволила выявить, в контексте каких типов маскулинности формируются ориентиры для конструирования этого образа у старшеклассников, а также охарактеризовать его ценностно-нормативные и поведенческие компоненты. Обработка ответов респондентов проведена по правилам методики. При соотнесении показателей по шкалам с типом маскулинности учитывались нормативные значения, характерные для выборки старшеклассников (Радина, Никитина, 2011). На основании полученных баллов по каждой из семи шкал был определен вариант развития мужской идентичности (тип маскулинности), характерный для идеального мужчины согласно представлениям каждого участника (далее — индивидуальный образ идеального мужчины).

Выборка. В исследовании приняли участие 85 старших подростков в возрасте 15—16 лет (учащихся 9—10 классов), из них 51 девушка и 34 юноши.

Сбор и обработка данных. Сбор данных проводился в 2024—2025 учебном году. Все участники были предварительно ознакомлены с целями и задачами исследования и дали информированное согласие на участие; им было разъяснено их право в любой момент отказаться от участия без каких-либо последствий. На всех этапах исследования соблюдались принципы конфиденциальности и анонимности.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS версии 27.0. Статистический анализ включал описательную статистику, а также критерий Манна — Уитни для выявления различий в представлениях юношей и девушек об идеальном мужчине.

Результаты

Ценностный профиль идеального мужчины мы определяли на основании средних значений и стандартных отклонений, полученных по каждой из шкал (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Средние значения, полученные по шкалам опросника ИРМИ,
 для образа идеального мужчины (по выборке подростков, N = 85)
 Average values obtained on the SMID questionnaire scales
 for the image of an ideal man (based on a sample of senior teenagers, N = 85)**

Шкала / Scale	M	SD
Нормы эмоциональной твердости / Emotional toughness norms	25,259	4,563
Нормы умственной твердости / Mental toughness norms	22,025	5,734
Нормы физической твердости / Physical toughness norms	25,852	4,670
Нормы статуса / Status norms	25,383	5,549
Нормы антиженственности / Anti-femininity norms	20,383	5,804
Шкала метросексуала / Metrosexual scale	25,691	4,782
Шкала риска / Risk scale	22,593	4,297

Полученные нами значения по шкалам не превышают средний уровень выраженности каждого вида установок, рассчитанный для нормативных показателей, а средний балл по шкале метросексуальности практически совпал с нормативным ($25,250 \pm 5,210$). С верхней границей варьирования нормативных средних совпали и показатели по шкале физической твердости. С учетом вариативности признаков по шкалам эмоциональной и умственной твердости, статуса, антиженственности и риска возможны значения, не превышающие средние нормативные показатели (ниже среднего).

Определив варианты развития мужской идентичности, с которыми соотносится образ идеального мужчины у каждого испытуемого, мы получили следующее их распределение в целом по выборке (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Типы и варианты мужской идентичности «идеального мужчины»
 в целом по выборке старших подростков (N = 85)
 Types and variants of male identity of “an ideal man”
 among a sample of senior teenagers (N = 85)**

Типы / Types	Варианты развития мужской идентичности / Variants of the development of male identities	% от общего числа / percentage of the total number	% по типу в целом / percentage by type overall
Патриархатные / Patriarchal	Гегемонный / Hegemonic	3,7	54,3
	«Компенсаторный» / Compensatory	4,9	

	«Мягкий» патриархатный / “Soft” patriarchal	45,7	
Гибридные / Hybrid	Гегемонно-метросексуальный / Hegemonic metrosexual	0	0
	Гегемонно-метросексуально-нерискованный / Hegemonic metrosexual riskless	0	
Альтернативные / Alternative	Метросексуальный / Metrosexual	23,5	45,7
	Эгалитарный / Egalitarian	22,2	

Можно говорить о незначительном преобладании в образе идеального мужчины у подростков вариантов патриархатного типа маскулинности (54,3%) по сравнению с альтернативными вариантами (45,7%). Гибридных вариантов в нашей выборке не оказалось.

Чаще всего встречается «мягкий» патриархатный вариант (45,7%), определяемый средними показателями по всем шкалам. Далее следуют метросексуальный (23,5%) и эгалитарный (22,2%) варианты. Кроме того, некоторые подростки конструируют маскулинность по гегемонному (3,7%) и «компенсаторному» (4,9%) вариантам.

При сравнении представлений юношей и девушек об идеальном мужчине были получены значительные различия в средних значениях по каждой из шкал в обеих группах (табл. 3). При этом средние значения у юношей выше, чем у девушек, по всем шкалам, кроме шкалы метросексуала, где наблюдается обратная тенденция.

Таблица 3 / Table 3

Средние значения по шкалам опросника ИРМИ для образа идеального мужчины у юношей (N = 34) и девушек (N = 51)

Average scores on the SMID questionnaire scales for the image of an ideal man among young men (N = 34) and young women (N = 51)

Шкала / Scale	Девушки / Young women		Юноши / Young men	
	M	SD	M	SD
Нормы эмоциональной твердости / Emotional toughness norms	23,920	4,646	27,420	3,529
Нормы умственной твердости / Mental toughness norms	19,880	4,749	25,484	5,550
Нормы физической твердости / Physical toughness norms	24,820	4,623	27,516	4,312
Нормы статуса / Status norms	24,360	4,881	27,032	6,215
Нормы антиженственности / Anti-femininity norms	17,940	5,200	24,323	4,438
Шкала метросексуала / Metrosexual scale	27,160	4,304	23,323	4,564
Шкала риска / Risk scale	21,740	4,304	23,968	3,979

Примечательно, что средние значения, полученные у юношей в выборке, практически совпадают со средними нормативными значениями. Исключение вновь составляет шкала метросексуала, где баллы значительно ниже нормативных. У девушек обращают на себя внимание относительно низкие средние показатели по шкале антиженственности и относительно высокие — по шкале метросексуала.

Применение U-критерия Манна — Уитни выявило статистически значимые различия между двумя группами по всем шкалам, кроме норм статуса (здесь мы можем говорить о различиях лишь на уровне статистической тенденции) (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

**Различия по шкалам опросника ИРМИ для образа идеального мужчины
 между юношами (N = 34) и девушками (N = 51)
 Differences in the SMID questionnaire scales for the image of an ideal man
 between young men (N = 34) and young women (N = 51)**

Шкала / Scale	U Манна — Уитни / Mann-Whitney	асимпт. знач-ть / statistical significance
Нормы эмоциональной твердости / Emotional toughness norms	1130,5***	< 0,001
Нормы умственной твердости / Mental toughness norms	1202,0***	< 0,001
Нормы физической твердости / Physical toughness norms	1051,5**	0,007
Нормы статуса / Status norms	974,0	0,053
Нормы антиженственности / Anti-femininity norms	1288,0***	< 0,001
Шкала метросексуала / Metrosexual scale	436,5***	< 0,001
Шкала риска / Risk scale	994,5*	0,032

Примечания: «*» — различия значимы на уровне 0,05 (двусторонняя); «**» — различия значимы на уровне 0,01 (двусторонняя); «***» — различия значимы на уровне 0,001 (двусторонняя).

Notes: «*» — differences are significant at the 0,05 level (two-sided); «**» — differences are significant at the 0,01 level (two-sided); «***» — differences are significant at the 0,001 level (two-sided).

Распределение индивидуальных образов идеального мужчины по типам развития мужской идентичности в выборке юношей и девушек представлено ниже (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

**Соотношение вариантов мужской идентичности «идеального мужчины»
 у юношей и девушек
 The differences between young men's and women's perceptions of an ideal man**

Типы / Types	Варианты развития мужской идентичности / Variants of the development of male identities	% от общего числа / percentage of the total number	
		Девушки / Young women	Юноши / Young men
Патриархатные / Patriarchal	Гегемонный / Hegemonic	0	9,7
	«Компенсаторный» / Compensatory	4,0	6,45
	«Мягкий» патриархатный / “Soft” patriarchal	32,0	67,7

Гибридные / Hybrid	Гегемонно-метросексуальный / Hegemonic metrosexual	0	0
	Гегемонно-метросексуально-нерискованный / Hegemonic metrosexual riskless	0	0
Альтернативные / Alternative	Метросексуальный / Metrosexual	34,0	6,45
	Эгалитарный / Egalitarian	30,0	9,7

У девушек примерно в одинаковом соотношении представлены «мягкий» патриархатный, метросексуальный и эгалитарный варианты маскулинности. У юношей же отмечается явное доминирование «мягкого» патриархатного варианта.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволили охарактеризовать образ идеального мужчины в ценностно-нормативном аспекте в представлениях старших подростков обоих полов.

Отсутствие высоких баллов (выше среднего) по первым пяти шкалам свидетельствует о том, что традиционные (стереотипные) представления о мужественности не являются доминирующими для участвовавших в исследовании подростков. Современные подростки не считают обязательным атрибутом идеального мужчины физическую силу и высокую сексуальную активность (шкала физической твердости). По их мнению, идеальный мужчина имеет право не быть компетентным во всех областях и не иметь высокий уровень осведомленности по всем вопросам (шкала умственной твердости). Большинство респондентов не считают обязательными чертами идеального мужчины жесткий контроль над эмоциями, подавление чувств и сокрытие уязвимости (шкала эмоциональной твердости). Кроме того, в образе идеального мужчины отсутствует выраженная установка на обладание властью, карьеризм (шкала статуса). Полученные нами результаты соответствуют описанной американскими психологами модели «сопротивления маскулинности», выявленной у мальчиков-подростков разной этнической принадлежности (Way et al., 2014).

Точнее всего описывает традиционные, патриархатные представления о маскулинности шкала опросника «нормы антиженственности». Именно в рамках этих норм задается такое явление, как гендерное неравенство. Оно предполагает дискриминацию по гендерному признаку и представляет собой «социально и культурно сконструированное неравенство по признаку пола, которое порождается различиями в ролевом поведении и статусных позициях мужчин и женщин как субъектов разных сфер жизнедеятельности» (Клецина, 2022). Гендерное неравенство прежде всего проявляется в представлениях о разделении сфер деятельности на специфически «женские» (бытовая сфера, ведение хозяйства, воспитание детей и т. п.) и «мужские» (власть, интеллектуальная сфера, материальное обеспечение семьи и т. д.). Высокие баллы по шкале антиженственности свидетельствуют о наличии представлений о том, что мужчина должен быть занят только специфически мужской деятельностью и избегать участия в женских занятиях. То же самое касается и моделей поведения.

Полученные данные говорят о том, что идеальный мужчина, по мнению старших подростков, в социальном взаимодействии должен руководствоваться совершенно противоположными принципами и действовать в рамках иных поведенческих моделей. В выборке доля «индивидуальных» образов с показателями по шкале антиженственности ниже средних составила почти 40%. В общей сложности у более 90% подростков-участников

исследования значения по данной шкале соответствуют средним или ниже среднего нормативным показателям. Это свидетельствует об отходе от дискриминационных концепций, порождающих в конечном итоге гендерное неравенство, и об их стремлении следовать современным эгалитарным представлениям о взаимоотношениях различных гендерных групп. В данном аспекте выявленный образ идеального мужчины в значительной мере перекликается с моделью «новой маскулинности», обозначенной И.С. Клециной (Клецина, 2009).

Еще одним традиционным атрибутом мужественности в российском социуме считается готовность к рискованному поведению (Радина, Никитина, 2011). Варьирование данного признака в пределах нормативных средних и ниже среднего значений может говорить о том, что подростки в целом допускают наличие среди характеристик идеального мужчины определенной доли авантюризма, но в умеренных либо небольших количествах.

И, наконец, последняя шкала (шкала метросексуала) определяет степень озабоченности собственной внешностью. Метросексуальный мужчина — это во многом образ, навязанный рекламой и сферой маркетинга (Радина, Никитина, 2011). Его неотъемлемыми атрибутами являются брендовая одежда, стильные аксессуары, посещение фитнес-центров и салонов красоты. Данные, полученные нами по этой шкале, показывают, что подобные характеристики в значительной степени представлены в образе идеального мужчины респондентов. Это связано, возможно, со значительной представленностью экранной плоскости⁴ и медийного пространства в жизни современной молодежи, их доминирующей ролью в качестве среды, поставляющей образцы для подражания.

Результаты анализа показали, что образ идеального мужчины у современных подростков соотносится с патриархатным типом маскулинности (с незначительным его преобладанием — 54,3% по выборке в целом) и с альтернативным типом (45,7%). В образе идеального мужчины у подростков преимущественно представлены три варианта развития мужской идентичности: «мягкий» патриархатный, метросексуальный и эгалитарный.

Доминирующим оказался «мягкий» патриархатный вариант. Он означает ориентацию преимущественно на патриархатные нормы и ценности, но не обязательно готовность им следовать, соблюдать их в реальной жизни. Он предполагает гибкость поведенческих моделей и лавирование между традиционными представлениями и стандартами, задаваемыми современностью. Таким образом, именно его мы можем принять в качестве эталонного для большинства современных старших подростков.

В выборке оказались представлены и два других патриархатных варианта маскулинности: гегемонный и «компенсаторный». Гегемонный вариант развития мужской идентичности определяется показателями выше средних по всем шкалам опросника ИРМИ, т. е., по мнению некоторых подростков, идеальный мужчина должен обладать лидерскими качествами; быть эмоционально сдержанным, рискованным; проявлять высокую физическую и сексуальную активность; доминировать над противоположным полом. Подобные черты представлены, например, в феномене «мачизма» (или агрессивной маскулинности). Обращает на себя внимание, что гегемонный вариант идентичности обнаружен только у старших подростков мужского пола.

⁴ Под экранной плоскостью взаимодействия ребенка с миром (термин В.В. Абраменковой) понимается «информационная среда, представленная виртуальной плоскостью теле-, видео- и компьютерного экрана», а также экрана смартфона (Чернобровкина, 2013).

«Компенсаторный» вариант маскулинности характеризуется набором моделей поведения, маскирующим неспособность соответствовать эталонам и образцам, задаваемым гегемонной маскулинностью. К таким моделям относятся, прежде всего, сексизм и попытки доминирования над другой гендерной группой, вплоть до насилия. Представленность данного варианта в представлениях подростков (у 4% девушек и у 6,45% юношей) вызывает озабоченность.

Альтернативный тип маскулинности включает метросексуальный и эгалитарный варианты. Метросексуальный вариант предполагает высокую степень озабоченности собой и своей внешностью, в то время как ключевая ценность эгалитарного — принцип равенства и равноправия гендерных групп. Данные варианты соответствуют представлениям почти половины респондентов.

Гибридные виды, промежуточные между патриархатным и альтернативным типами, отсутствуют в выборке.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что образ идеального мужчины у современных старших подростков включает как патриархатные, так и альтернативные представления о маскулинности. Факт преобладания «мягкого» патриархатного варианта развития мужской идентичности указывает на гибкость поведенческих моделей подростков и их лавирование между традиционными нормами и ценностями и новыми ориентирами. Данный вид маскулинности, в основе которого лежат патриархатные представления о мужественности, конституируется, как и в случае с метросексуальным и эгалитарным вариантами, под влиянием альтернативных представлений о мужественности.

Также мы попытались выделить наиболее типичные ценностно-поведенческие характеристики, которыми наши испытуемые описывают идеального мужчину, для чего проанализировали характеристики, указанные в графе «Полностью соответствует». Выяснилось, что большинство подростков приписывают идеальному мужчине следующие качества:

- выдержка и уравновешенность,
- нежность и забота о близких,
- верность в сексуальных отношениях,
- может сам о себе позаботиться,
- следит за собой и своим здоровьем, в том числе развивает себя физически и избегает пробовать наркотические вещества и употреблять алкоголь в большом количестве,
- для него важны карьерный рост и хороший заработок,
- он стремится доказать что-то делом, а не словами,
- не разделяет виды деятельности на «женские» и «мужские», готов взяться за любую домашнюю работу и наравне с супругой выполнять семейные обязанности.

Примечательно, что данный «психологический портрет» идеального мужчины не просто согласуется с описанием тех вариантов маскулинности, в пределах которых, по нашим данным, задаются образцы для конструирования образа идеального мужчины у современных подростков, а даже представляет менее противоречивый, более целостный образ, ориентированный на эгалитарные ценности.

Анализ данных о распределении различных вариантов развития мужской идентичности у девушек и юношей свидетельствует о явном преобладании у юношей «мягко» патриархатных

взглядов на мужественность. Они характерны для более чем двух третей (67,7%) участвовавших в исследовании юношей. Налицо явное преобладание патриархатных вариантов идентичности — 83,85% против 16,15% альтернативных вариантов. Предпочтения же девушек примерно равным образом распределились между тремя вариантами: метросексуальным (34%), «мягким» патриархатным (32%) и эгалитарным (30%). Однако в целом можно говорить о выборе со стороны девушек в пользу альтернативных вариантов мужской идентичности — 64% против 36% патриархатных вариантов.

Сравнительный анализ полученных данных в соответствии с поло-гендерной принадлежностью свидетельствует о наличии статистически значимых различий. Юноши в большей степени, чем девушки, склонны приписывать идеальному мужчине традиционные, патриархатные качества и свойства, но их в меньшей степени волнуют вопросы красоты и внешности. Внешность для них, как говорится, не главное. Девушки же, наоборот, ценят в мужчине внешность, фигуру, стиль одежды. Можно предположить, что транслируемый рекламой образ мужчины оказывает большее влияние на представления об идеале у девушек, нежели чем у юношей. Полученные результаты также говорят о том, что подростки-мальчики сильнее, чем подростки-девочки, подвержены влиянию стереотипных представлений о мужчине, в то время как девушки ориентированы на более эгалитарные модели. Поэтому и вариативность образов идеального мужчины больше у девушек, чем у юношей.

Полученные результаты наводят на мысль, что уже в сам образ идеала мужчины заложен потенциальный внутренний конфликт, когда нужно выбирать между традиционными ценностями (особенно если они транслируются семейным окружением) и веяниями современности. Эта проблема в первую очередь касается подростков-мальчиков, которые примеривают данный сценарий к собственной жизни в будущем. Предлагаемые современной культурой новые модели мужественности и сценарии взаимоотношений не могут не вступать в сознании мальчиков и юношей в противоречие с традиционными представлениями о маскулинности, влиянию которых, как мы выяснили, они более подвержены (по сравнению с девушками). С другой стороны, альтернативные взгляды на мужественность в большей степени присущи подросткам-девочкам, и эти представления транслируются мальчикам и юношам, тем самым влияя на становление их гендерной идентичности. Таким образом, получая неоднозначные послания (в том числе и от своих сверстниц) о том, какими им следует быть, мальчики-подростки вынуждены иметь дело с ощутимым давлением, вызываемым несоответствием общественным ожиданиям и предписаниям налагаемых на них ролей, что не может не отразиться на их Я-концепции.

Если же говорить о девочках и девушках, то и они могут испытывать на себе последствия выявленной неоднозначности мужского идеала. Так, содержание представлений девочек-подростков об идеальном мужчине может оказывать влияние, во-первых, на процесс становления их собственной гендерной идентичности, которая развивается не только в ходе отождествления себя со своей гендерной группой, но и на основе приобретения знаний о другой группе; во-вторых, на их дальнейший выбор спутника жизни.

Заключение

Настоящее исследование было направлено на изучение ценностно-нормативного аспекта образа идеального мужчины у современных подростков. Мы предположили, что содержание этого образа будет отражать преимущественно современные, альтернативные традиционным, представления о маскулинности (мужественности).

Проведенный анализ выявил значительный вклад альтернативных (эгалитарных) представлений о мужественности (маскулинности) в образ идеального мужчины у современных старших подростков. Это проявилось, во-первых, в содержании набора приписываемых подростками идеальному мужчине ценностно-нормативных характеристик, укладываемых в образ открытого, эмоционального, защищающего равноправие мужчины. Во-вторых, это нашло отражение в типах маскулинности, в контексте которых конструируется образ идеального мужчины. Нами были выделены три основных линии развития этого образа: доминирующим оказался «мягкий» патриархатный вариант, далее следуют метросексуальный и эгалитарный варианты.

Тем не менее выраженное преобладание «мягкого» патриархатного варианта (особенно у юношей) свидетельствует о том, что основу образа идеального мужчины у современных подростков составляют все же традиционные (и местами даже стереотипные) взгляды на сущность маскулинности (мужественности). В этой связи можно заключить, что основная гипотеза в нашем исследовании была подтверждена частично.

В то же время полностью подтвердилась частная гипотеза о различиях представлений подростков мужского и женского пола об идеальном мужчине. Показано, что юноши демонстрируют большую приверженность традиционным представлениям о маскулинности, в то время как девушки склонны приписывать идеальному мужчине метросексуальные черты. Кроме того, было определено, что подавляющее большинство юношей конструирует образ идеального мужчины в соответствии с «мягким» патриархатным вариантом маскулинности. У девушек нельзя выделить единственный предпочитаемый ими тип, хотя в целом можно говорить о преобладании у них альтернативных взглядов на мужественность.

Учитывая противоречивый характер современных представлений о маскулинности, дальнейшая работа в этом направлении представляется перспективной. Здесь первоочередной задачей должна стать минимизация негативных эффектов кризиса маскулинности, влияющих на процесс развития гендерной идентичности детей и подростков. Необходим также более совершенный психодиагностический инструментарий, поскольку стандартизированные опросники, с одной стороны, в определенной мере подвержены воздействию феномена социальной желательности; с другой стороны, как правило, не предполагают «проверки на честность» ответов испытуемых. В этой связи решением могла бы стать разработка соответствующих шкал или даже проективных методик для выявления гендерных идеалов.

Ограничения. Исследование проводилось на небольшой выборке подростков, не вполне сбалансированной по гендерно-половому признаку (ввиду специфики набора учащихся в старшие классы школы) и ограниченной определенным географическим контекстом. Соответственно, расширение выборки, выравнивание числа испытуемых мужского и женского пола, а также учет типа места проживания (село, небольшой город, город-миллионник и т. п.) могли бы также определить направление дальнейшей работы.

Limitations. The study was conducted on a small sample of adolescents, which was not entirely balanced in terms of gender (due to the specific nature of the selection of students in the upper grades of school) and was limited to a specific geographical context. Accordingly, expanding the sample, balancing the number of male and female participants, and taking into account the type of place of residence (village, small town, city with a population of over one million, etc.) could also determine the direction of further work.

Список источников / References

1. Асатунова, Л.Л. (2016). *Стратегии социального конструирования маскулинной идентичности в условиях виртуализации общества: Дис. ... канд. социол. наук*. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.
Asaturova, L.L. (2016). *Strategies for the social construction of masculine identity in a virtualized society: Diss. Cand. of Sociol. Sci.* Saint Petersburg State University. Saint Petersburg. (In Russ.).
2. Берн, Ш. (2001). *Гендерная психология*. Пер. с англ. СПб: Прайм-Еврознак.
Burn, S. (2001). *Gender psychology*. Transl. from Eng. Saint Petersburg: Prime-Evroznak Publ. (In Russ.).
3. Воронина, О.А. (2019). Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 1, 5—16. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-5-16>
Voronina, O.A. (2019). Construction and deconstruction of gender in the contemporary humanities. *Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology*, 1, 5—16. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-5-16>
4. Градинари, И. (Ред.). (2015). *Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка*. М.: Издательство Института Гайдара.
Gradinari, I. (Ed.). (2015). *Technique “oblique” view. Criticism of heteronormative order*. Moscow: The Gaidar Institute Publ. (In Russ.).
5. Здравомыслова, Е.А., Тёмкина, А.А. (2015). *12 лекций по гендерной социологии: Учебное пособие*. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
Zdravomyslova, E.A., Temkina, A.A. (2015). *12 lectures on gender sociology: A textbook*. Saint Petersburg: European University in St. Petersburg Press. (In Russ.).
6. Клецина, И.С. (2009). Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности. *Женщина в российском обществе*, 3(52), 29—41. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12955001> (дата обращения: 30.10.2025).
Kletsina, I.S. (2009). Fatherhood in analytical approaches to the study of masculinity. *Women in Russian Society*, 3(52), 29—41. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12955001> (viewed 30.10.2025).
7. Клецина, И.С. (2022). Гендерная проблематика в социальной психологии: направления исследований. *Социальная психология и общество*, 13(4), 5—12. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130401>
Kletsina, I.S. (2022). Gender Issues in Social Psychology: Research Directions. *Social Psychology and Society*, 13(4), 5—12. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2022130401>
8. Клименко, Н.С. (2019). *Гендерная инкультурация в современном российском обществе: на материале мужского военизированного и женского гимназического образования: Автореф. дис. ... канд. культурологии*. Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева. Кемерово.
Klimenko, N.S. (2019). *Gender enculturation in contemporary Russian society: based on the material of male military and female gymnasium education: Extended abstr. Diss. Cand. of Cultural Studies*. Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev. Kemerovo. (In Russ.).
9. Кон, И.С. (1981). Психология половых различий. *Вопросы психологии*, 2, 47—58. URL: <https://www.voppsy.ru/issues/1981/812/812047.htm> (дата обращения: 30.10.2025).

Субботин С.В., Шаповаленко И.В. (2025)
Образ идеального мужчины у современных
подростков: ценностно-нормативный аспект
Социальные науки и детство, 6(4), 41—56.

Subbotin S.V., Shapovalenko I.V. (2025)
The image of an ideal man among contemporary
teenagers: value-normative aspect
Social Sciences and Childhood, 6(4), 41—56.

- Kon, I.S. (1981). Psychology of gender differences. *Voprosy Psichologii*, 2, 47—58. (In Russ.). URL: <https://www.voppsy.ru/issues/1981/812/812047.htm> (viewed 30.10.2025).
10. Радина, Н.К., Никитина, А.А. (2011). *Социальная психология мужественности: социально-конструктивистский подход*. М.: Боргес.
Radina, N.K., Nikitina, A.A. (2011). *Social psychology of masculinity: a social constructivist approach*. Moscow: Borges Publ. (In Russ.).
11. Чернобровкина, С.В. (2013). Образ героя современных подростков. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 2, 23—32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21570480> (дата обращения: 30.10.2025).
Chernobrovkina, S.V. (2013). The image of the hero of modern teenagers. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2, 23—32. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21570480> (viewed 30.10.2025).
12. Barry, J., Liddon, L. (2021). *Perspectives in Male Psychology: An Introduction*. Chichester: Wiley Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781119685340>
13. Chan, H.F., Skali, A., Stadelmann, D., Torgler, B., Whyte, S. (2021). Masculinity cues, perceptions of politician attributes, and political behavior. *Economics & Politics*, 33(1), 148—171. <https://doi.org/10.1111/ecpo.12164>
14. Francis, B. (2010). Re/theorising gender: female masculinity and male femininity in the classroom? *Gender and Education*, 22(5), 477—490. <https://doi.org/10.1080/09540250903341146>
15. Haywood, C., Mac an Ghaill, M. (2003). *Men and masculinities: theory, research, and social practice*. Buckingham: Open University Press.
16. Paechter, C. (2006). Masculine femininities/feminine masculinities: power, identities and gender. *Gender and Education*, 18(3), 253—263. <https://doi.org/10.1080/09540250600667785>
17. Way, N., Cressen, J., Bodian, S., Preston, J., Nelson, J., Hughes, D. (2014). "It might be nice to be a girl... Then you wouldn't have to be emotionless": Boys' resistance to norms of masculinity during adolescence. *Psychology of Men & Masculinity*, 15(3), 241—252. <https://doi.org/10.1037/a0037262>

Информация об авторах

Сергей Васильевич Субботин, магистр психологии, независимый исследователь, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3167-1302>, e-mail: leoskofelix@bk.ru

Ирина Владимировна Шаповаленко, кандидат психологических наук, профессор кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуковой», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: shapovalenkoiv@mgppu.ru

Information about the authors

Sergei S. Subbotin, Master of Psychology, Independent Researcher, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3167-1302>, e-mail: leoskofelix@bk.ru

Irina V. Shapovalenko, Candidate of Science (Psychology), Professor of the Department of Age Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow

Субботин С.В., Шаповаленко И.В. (2025)
Образ идеального мужчины у современных
подростков: ценностно-нормативный аспект
Социальные науки и детство, 6(4), 41—56.

Subbotin S.V., Shapovalenko I.V. (2025)
The image of an ideal man among contemporary
teenagers: value-normative aspect
Social Sciences and Childhood, 6(4), 41—56.

State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: shapovalenkoiv@mgppu.ru

Вклад авторов

Субботин С.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Шаповаленко И.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Sergei V. Subbotin — research ideas; annotation, writing and formatting of the manuscript; planning of the research; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis; visualisation of research results.

Irina V. Shapovalenko — research ideas; annotation, writing and formatting of the manuscript; planning of the research; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проводилось в строгом соответствии с этическими стандартами, изложенными в Декларации Хельсинки (1964 год).

Ethics statement

The research was conducted in strict accordance with ethical standards outlined in the Helsinki Declaration (1964).

Поступила в редакцию 03.12.2025
Поступила после рецензирования 25.12.2025
Принята к публикации 25.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.12.03
Revised 2025.12.25
Accepted 2025.12.25
Published 2025.12.30